

К ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В РОССИИ XVIII ВЕКА

Объективные закономерности исторического развития России определили доминирующую роль государства практически во всех сферах жизни общества – политической, экономической и идеологической¹. Не случайно данная проблематика остается ключевой в работах ученых, научные поиски которых ведутся преимущественно в следующих тематических плоскостях: «монархия – сословия», «самодержавие – подданные», «власть – индивидуальность». Однако, несмотря на многочисленность исследований, посвященных данным сюжетам, наиболее разработанными остаются проблемы сословного законодательства, с одной стороны, и имиджа императора в сознании современников – с другой². Меньше внимания уделяется в историографии иному вектору взаимоотношений монархии и общества: официальным представлениям о социальной иерархии населения, образу подданных в восприятии престола, самоидентификации власти. Законодательные акты очень часто отождествляются с реальной действительностью, в то время как они являлись чаще всего лишь идеальной программой самодержавия и далеко не всегда выполнялись на практике. Несмотря на проведенный в историографии детальный анализ содержания царских указов и манифестов, остаются недостаточно изученными каналы воздействия официальной доктрины на сознание подданных, степень результативности ее функционирования и методы реализации правительственных постановлений.

Объектом исследования в данной статье является такой механизм социального контроля, как регламентация посланий на высочайшее имя, которая осуществлялась через формуляры и порядок подачи челобитных, официально установленные наименования в подписях авторов посланий и титулатуру монарха. Иными словами, речь пойдет о политической терминологии и смысловых полях, в которых выстраивались и функционировали отношения власти³ и личности в России XVIII в.

Практика посланий на высочайшее имя существовала с древнейших времен и может, пожалуй, считаться неотъемлемым атрибутом любой монархии, в котором заключена прочно укоренившаяся вера подданных в справедливость и милосердие верховного правителя. Свидетельства о подаче челобитных великому князю, а позднее царю, относятся к XV–XVI вв.: «жалобники» упоминаются в первом общероссийском своде законов 1497 г., а также в Судебниках 1550, 1559, 1589 гг. и, наконец, в Соборном уложении 1649 г.⁴

В соответствии со статусом авторов посланий в вышестоящие инстанции можно условно разделить на две группы. Должностные лица обязаны были сообщать о своей деятельности в XVI–XVII вв. в «отписках», а в XVIII в., в связи с усложнением функций бюрократического аппарата, – в рапортах, доношениях, отчетах и, наконец, во «всепоподданнейших докладах». Частные же лица искали «наверху» справедливости и защиты в «жалобниках», которые к концу XVI в. стали именоваться «челобитными». На протяжении XVII в. понятие «челобитная» постепенно становилось родовым, объединяя разнообразные прошения, заявления, жалобы, доносы по «государеву слову и делу»⁵ и т.п., направляемые феодалу, патриарху, царю и членам царской фамилии от от-

* **Марасинова Елена Нигметовна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Искренне благодарю за помощь в подготовке этой статьи профессора Х.-Х. Нольте (Ганновер) и доктора исторических наук М.В. Бабич (Москва).

дельных лиц или группы людей (как правило, посадской общины или крестьян какой-либо волости). Непререкаемый авторитет монарха и вера в государево милосердие отразились на формуляре челобитных в правительственные органы – все они подавались на имя царя⁶.

В XVIII столетии челобитные были важнейшей частью социальной жизни страны, главным легитимным средством, к которому прибегало население, защищая свои права. К монарху с надеждой взывали представители практически всех сословий и социальных групп: писали посадские люди и купцы; писали дворцовые и черносошные крестьяне, статус которых давал им основание воспринимать монарха как своего непосредственного господина; писало духовенство, признавая главенство светской власти над патриархом; осмеливались писать частновладельческие крепостные, видевшие в своем помещике лишь временного и действительно условного владельца земли, издревле принадлежащей царю и общине; писали, наконец, наиболее приближенные к престолу служилые люди. Царю шли индивидуальные жалобы и петиции, которые просители часто были вынуждены передавать через посредников, но ни один выход двора не мог обойтись без попыток вручить челобитную лично монарху в руки.

Этот нескончаемый поток откровений на высочайшее имя воспроизводил реалии повседневной жизни русского общества, насущные проблемы людей, их отношение к власти и мировосприятие в целом. Именно в таком ракурсе и оценивалась информативная значимость прошений как исторического документа⁷. Однако практика челобитных царю, а также регулирующие ее акты и постановления, содержат важные, не прочитываемые часто по другим источникам сведения, касающиеся механизмов влияния официальной идеологии на сознание личности. И в данном контексте происходившая в XVIII в. эволюция законодательства, обеспечивающего в той или иной мере диалог престола и подданных, еще не рассматривалась в историографии.

Постепенное усложнение социальной жизни русского общества обусловило быстрый рост объема челобитных и расширение круга проблем, затрагиваемых в жалобах, что привело, в конечном итоге, к жесткой регламентации формуляра прошений, а также к возникновению специальных правительственных органов, через которые шло ограничение потока посланий на высочайшее имя и их фильтрация⁸. При Петре I функции Челобитного приказа, где разбирались жалобы государю, перешли к созданному в 1704 г. Кабинету Его Императорского Величества, а затем – к Канцелярии Ее Императорского Величества, которая была учреждена в 1763 г. Обязанности секретарей⁹ обозначились как пребывание «У собственных е.и.в. дел», «У приема челобитен» (с 1786 г. – «у принятия прошений»). На протяжении XVIII в. постоянно выходили именные и сенатские указы, регламентирующие процедуру подачи посланий на высочайшее имя: «о неподаче Государю прошений о таких делах, которые принадлежат до рассмотрения на то учрежденных правительственных мест, и о нечинении жалоб на Сенат, под смертною казнию», «о неподаче и непринимании челобитен с поносительными и к делу не принадлежащими словами», «о неподании прошений Ее Императорскому Величеству лично» и т.д.¹⁰ Анализ законодательства, упорядочивающего содержание, стилистику и объем поступающих на имя монарха письменных обращений, свидетельствует, что власть заботилась не столько об обеспечении быстрого реагирования на жалобы, сколько о сокращении потока прошений и перенесении большинства возникающих проблем в компетенцию органов местного управления. В то же время правительство использовало формуляр столь популярных в различных слоях общества посланий государю, в частности, жестко обозначенную терминологию жалобы и само наименование прошений как один из каналов воздействия на сознание подданных.

К концу XVII в. социальная иерархия общества и представления о ней власти следующим образом отражались в «понятийном аппарате» прошений на высочайшее имя: представители податного населения должны были подписываться «сирота твой», духовенства – «богомалец твой», а служилым людям следовало именовать себя «холоп твой»¹¹. Традиционно, со времен «Русской Правды», холопом считался человек несвободный, «крепкий земле и господину, дворовой, либо купленный раб»¹². В русском

языке бытовали понятия «кабальный», «полный», «обельный», «докладной» холоп. Однако наряду с определениями, отражающими путь к несвободному положению, данное понятие использовалось и для наименования приближенной к верховной власти знати.

В историографии нет единого мнения по поводу истоков этой традиции. В литературе существует точка зрения, расценивающая подобную социально-политическую терминологию как намеренное уподобление взаимоотношений монарха и элиты зависимости несвободного человека от своего господина¹³. Другие специалисты усматривают в понятийном отождествлении верхушки общества и «холопов» наследие поздней Византии, где представители знати могли именоваться рабами императора¹⁴. В наиболее аргументированной, на мой взгляд, концепции это укоренившееся с конца XV в. в государственной практике Московской Руси обращение великого князя, а затем и царя к подданным связывалось с ордынским влиянием. Зависимые от Ивана III знатные люди начали в обязательном порядке именоваться «холопами» (т.е. так, как было принято называть вассалов хана) после того, как великий князь обрел независимость от ордынского «царя» и сам стал претендовать на царское достоинство. Данная трактовка отрицает непосредственную связь употребления термина «холоп» в официальном обращении знати Московии к своему верховному правителю и с реалиями Византии, и с внутрирусскими отношениями господ и несвободных, зависимых от них людей. «Появление обозначения "холоп" при обращении знатных людей к правителю не являлось следствием ужесточения их зависимости: оно имело целью не уничтожение знати, а поднятие статуса великого князя, так как приравнивало его к правителям "царского" ранга»¹⁵.

Таким образом, к XVIII столетию понятие «холоп» приобрело в русском языке двойное и даже внутренне конфликтное значение: с одной стороны, это наименование носили закабаленные люди, часто близкие по своему положению к рабам, а с другой — оно адресовалось элите общества, выражало особую близость к престолу и потому воспринималось как весьма престижное. В посланиях на имя монарха представители низших социальных слоев, пытаясь самовольно повысить свой статус, нередко вместо «сирот» подписывались «холопами». Именно этот факт и побудил Петра I в декабре 1700 г. запретить «не по чину» именовать себя в посланиях царю. В «памяти», направленной из Ратуши в Брянск «земским таможенникам и кабацким бурмистрам», которая, как и многие акты казуального российского законодательства XVIII в., непосредственно касалась всего непривилегированного населения, говорилось: «Изо многих городов земские и таможенные и кабацкие бурмистры к Великому государю пишутся в отписках *холопами*, которых чинов наперед сего писались *сиротами*; и буде впредь кто станет так писаться, и за то учинено будет наказание»¹⁶.

Однако действие этого акта оказалось недолговечным — уже 1 марта 1702 г. формуляр посланий монарху был изменен именным указом Петра «О форме прошений, подаваемых на высочайшее имя»: «На Москве и во всех городах Российского царства царевичам и боярам, и окольничим, и думным, и ближним, и служилым, и иноземцам, и купецким, и чернослободским, и всякого чину людям писать в челобитных свою государскую честь новым изложением, в начале: *Державнейший Царь, Государь Милостивейший*, и потом писать дело, а перед прошением — вместо милосердного *Всемилоостивейший Государь прошу Вашего Величества* и потом прошение, а по прошении совершить *Вашего Величества низжайший раб* и под тем писать челобитчикам имена свои с прозванием и месяц, и число, и год; а по прежнему обыкновению в челобитных Его царского именования титул не писать»¹⁷. И сей свой Великого Государя именной указ в Судном Московском приказе записать в книгу»¹⁸.

Многие артикулы первой четверти XVIII в. сопровождались развернутыми толкованиями, а некоторые законодательные акты, вышедшие из-под пера императора, содержали исторические экскурсы и даже исповедальные признания¹⁹. Однако указ «О форме прошений, подаваемых на высочайшее имя» отличался краткостью содержания, императивным тоном и был лишен каких-либо объяснений. Этот факт в известной мере можно связать с тем, что приказ «всякого чину людям», а также находящимся

на территории государства иностранцам именовать себя в посланиях на высочайшее имя «рабами» был следствием скорее политической интуиции Петра, чем его длительных размышлений. Между тем решение об изменении формуляра прошений подчинялось стратегии правительства и общей атмосфере политической жизни России первой четверти XVIII в.

Единое наименование для всего населения, находящегося под юрисдикцией монарха, соответствовало идеалу «регулярного», «политизированного» государства, к которому должно было стремиться «обученное и исправленное» Петром Отечество²⁰. Унифицированной для всех челобитных на высочайшее имя формой подписи, по всей видимости, могло стать и понятие «холоп». Однако был выбран другой, хотя и достаточно близкий по смыслу, термин «раб». Подобное решение, на мой взгляд, было прямо или косвенно мотивировано целым рядом обстоятельств. Во-первых, сохранение наименования «холоп твой» и признание его обязательным для авторов прошений, вне зависимости от их статуса и чина, неизбежно распространяло на все население официальное обращение, адресованное лишь знати. Во-вторых, понятие «холоп», как уже отмечалось, имело в глазах современников одновременно и уничижительное, и престижное значение и было тесно связано с историческими реалиями русской жизни. Петр остановился на более книжном, литературном термине «раб», который не являлся столь исторически ассоциативным и не совпадал со словом *chłop* («мужик», «крестьянин») соседней Польши, откуда в XVII – начале XVIII вв. шло особенно сильное лингвистическое влияние²¹.

Объединение населения страны наименованием «раб» в отношении верховного правителя означало терминологическую фиксацию роста самодержавной власти и увеличения дистанции между престолом и подданными. В свою очередь, официально заданная единая подпись в челобитных на высочайшее имя не могла не воздействовать на сознание авторов, которые поголовно, по царскому указу, теперь именовались «рабами». Общий для всех формуляр «Вашего Величества нижайший раб» в конечном итоге способствовал дальнейшей унификации общества, в котором главным объединяющим символом был образ самодержца. Терминология прошений и отражала, и стимулировала сакрализацию личности монарха в русском общественном сознании, что, кстати, подтверждает и смысловое наполнение некоторых русских пословиц: «раб Божий всякий человек», «пред Богом все рабы». Главный идеолог петровского царствования архиепископ Феофан Прокопович не раз объявлял Петра «министром Всевышнего», через «державнейшее» посредничество которого получает народ милость Божию, и напоминал, что «противляться властям» означает «противиться Богу самому»²².

В данном контексте понятие «раб» было практически лишено уничижительного значения²³. В России XVIII в., где служба монарху возводилась в ранг важнейшей мировоззренческой ценности, роль «слуги царя» столь же возвышала подданного, как смирение «раба Божьего» украшало праведника. Данное обстоятельство снимает возникающее, на первый взгляд, противоречие между введением официального наименования «нижайший раб» и отдельными фактами правления Петра, который, по свидетельству современников, запретил падать на улице перед ним на колени, мог лично принимать жалобы и прошения от простых людей и жестко требовал их немедленного рассмотрения в Сенате²⁴.

Анализ прошений на высочайшее имя после 1702 г. свидетельствует, что новый формуляр и, в частности, подпись «Вашего Величества нижайший раб» легко был усвоен челобитчиками и быстро перешел в разряд автоматически воспроизводимых штампов²⁵. Официально данное наименование подданных сохранялось и неоднократно подтверждалось²⁶ вплоть до 1786 г., т.е. до указа Екатерины II «Об отмене употребления слов и речений в прошениях на высочайшее имя и в присутственные места подаваемых челобитен». В императорском повелении, объявляемом «во всенародное известие», изменялась идентификация самого факта обращения к монарху и название прошения: «<...> отныне впредь, вместо подаваемых до сего на имя Ее Величества

челобитен, как к Ее Величеству, так и в присутственные места по исковым и другим делам, писать жалобницы или прошения, в коих после титула Ее Величества *бьет челом*, ставить: *приносит жалобу*, или *просит имярек*». Кроме того, принципиально трансформировалась словесная форма выражения зависимости автора послания от престола: «<...> в присылаемых же к Ее Величеству письмах и реляциях или донесениях, по окончании оных, вместо *всеподданнейшего раба*, подписывать просто: *всеподданнейший*, или *верный подданный*; а равным образом в патентах, присяжных листах и во всех прочих бумагах, где до сего слово *раб* включаемо было, вместо оного употреблять имя: *подданный*»²⁷.

Безусловно, смысловым центром указа являлся запрет на использование во всех официальных бумагах понятия «раб» в качестве наименования, характеризующего отношения личности и престола. Это одно из многочисленных «семиотических» преобразований власти отменяло уже сложившуюся традицию этикетной формы выражения зависимого положения. Во второй половине XVIII в. термин «раб» стал общеупотребительной подписью в самых различных посланиях, от писем отцу²⁸ до представляемых Екатерине II планов и проектов крупных сановников. Показательно, что шаблонная формула «всеподданнейший раб» стояла в конце даже таких серьезных политических документов, не имеющих ничего общего с жалобами и прошениями, как «Генеральный план воспитательного дома» И.И. Бецкого или «Доклад о государственном правлении» Н.И. Панина²⁹. В данной стереотипной фразе понятие «раб» имело метафорический смысл, далекий от содержания слов «невольник» или «обращенный в собственность», приближалось по своему значению к этикетной подписи «покорнейший слуга». В посланиях на высочайшее имя, лишенных, в отличие от челобитных, строгого формуляра, приближенные императрицы использовали эти формулы как тождественные и взаимозаменяемые³⁰.

Между тем императрица все же пошла на запрет условного трафарета, но при этом, подобно Петру, никак не комментировала свое решение. Логично, однако, было бы предположить, что в данном случае ученица Вольтера следовала риторике Просвещения, отдавая на сей раз должное гуманистическому учению не только в письмах философам, но и в указе, подлежащем исполнению. По всей видимости, стремлением к просветительской стилистике можно объяснить и искоренение архаичных уничижительных формул «челобитная», «бить челом»³¹ и замене их на производные от «просить», «жаловаться», «приносить жалобу» и т.п. Подпись же «верноподданный раб», согласно указу, трансформировалась в посланиях на высочайшее имя в понятие «верный подданный». Подобный терминологический выбор власти стал лаконичным выражением провозглашенного и узаконенного изменения официальной концепции отношений престола и личности.

Понятие «подданный» пришло в русский язык из латинского (*subditus*) через польское влияние (*poddany*, *poddacstvo*)³². В XV–XVI вв. этот термин наиболее часто употреблялся в значении «подчиненный, зависимый, покоренный» при описании взаимоотношений монарха и населения зарубежных государств. Лишь с XVII столетия слово «подданный» начинает активно использоваться для характеристики «подверженности» жителей Московской Руси власти царя и приобретает другой смысловой оттенок, выражающийся в понятиях «преданный, верный, покорный»³³. В XVIII в. эти два нюанса значений термина «подданный» сохраняются, причем последнее становится все более общеупотребительным, пока не превращается в устойчивую часть этикетной подписи «верноподданный раб» в посланиях на высочайшее имя. Двойное значение понятия было зафиксировано и в словаре Российской Академии, где приводились слово «подданный» в значении «подлежащий власти Государя или другого какого верховного правителя» и слово «подданнейший», «употребляемое в прошениях от подданных к Государю»³⁴.

Законодательно санкционированная замена термина «раб» на термин «подданный» являлась как показателем трансформации отношений власти и населения, так и импульсом для развития института подданства в российском обществе и дальнейшего ос-

мысления этого понятия. Обращает на себя внимание тот факт, что термин «подданный», согласно указу 1786 г., в качестве подписи становится обязательным лишь для определенного вида посланий на имя императрицы, а именно, для реляций, донесений, писем, а также присяжных листов и патентов. Формуляр жалобниц или прошений, исключая слово «раб», в то же время не предполагал этикетной формы «подданный», «верноподданный» и был ограничен нейтральной концовкой «приносит жалобу или просит имярек». А если учесть происходящее на протяжении XVIII в. стремительное сужение привилегированного слоя, представители которого имели реальное право адресовать свои послания непосредственно императрице, то станет очевидно, что собственно подданными власть признавала очень избранную группу людей. В 1765 г. был опубликован указ, запрещающий подавать прошения лично императрице, минуя соответственные присутственные места. Наказания варьировались в зависимости от чина и статуса «предерзких» челобитчиков: имеющие чин платили в качестве штрафа одну треть годового оклада, а крестьяне отправлялись в пожизненную ссылку в Нерчинск³⁵. Следовательно, на «беспреступное», как говорили в XVIII в., обращение с жалобами или прошениями к императрице могло рассчитывать лишь ближайшее окружение, направляющее Екатерине не челобитные, а письма.

Дифференцированное отношение престола к населению отразилось в уже упоминавшемся указе от 1765 г. «о подавании прошений», где выделяются три основные группы «подданных»: «имеющие чин», «не имеющие чинов, а благородные» и, наконец, «не имеющие чинов и неблагородные». В составленной при непосредственном участии императрицы книге «О должностях человека и гражданина»³⁶, предназначенной для народных училищ и выдержавшей с 1788 по 1817 г. 11 изданий, давалось определение понятию «подданный» и выделялось несколько его официально задаваемых градаций: «Подданные называются все находящиеся в государстве люди, кои Государю или правящим особам повинуются. Подданные суть различного состояния; иные из них *знатные*, иные же *низкие*. Между *низкими* есть свободные люди; есть же и такие, кои господам службою, некоторыми податями и иными различными образами обязаны <...>. *Знатные подданные* государства суть те, кои имением своим, просвещением и способностями от других отменны; а отличаются они не токмо высокими названиями, но и тем, что к службе государства различными образами употребляются»³⁷.

Итак, иерархия общества в официальной трактовке власти была достаточно примитивна – знатные подданные и низкие, а среди низких – свободные и те, которые «так присвоены, что ни они сами, ни дети их без соизволения господ с того места, где они живут, на другое переселиться не могут»³⁸. Состав группы «низких, но свободных подданных» был разнообразен и включал как горожан, так и консолидирующееся в особое сословие гильдейское купечество. И большинство адресованных полупривилегированному населению законодательных актов, сформулированных на основе отдельных казусов, и такие документы, как «Наказ» Екатерины II Уложенной комиссии или «Жалованная грамота городам», свидетельствовали об отсутствии государственной доктрины, адресованной собственно «роду людей», «пользующихся вольностью и не причисляемых ни ко дворянству, ни ко хлебопашцам»³⁹. Самодержавная власть лишь только начинала выстраивать тактику создания «третьего чина» (от фр. tiers état) на основе воспитания «новой породы» и «среднего рода людей», принципы которого были заявлены в «Наказе» и детально проработаны И.И. Бецким в документах Воспитательного Дома⁴⁰. Таким образом, «низкие, но свободные» люди лишь в перспективе могли стать для престола «истинными подданными» и «годными, благовоспитанными гражданами», поскольку власть была еще жестко ориентирована на двучленную структуру общества, состоящего из «чинов дворян и крепостных»⁴¹.

Законодательные акты свидетельствуют, что зависимые люди, утратившие в формулах челобитных наименование «рабов», не стали для самодержавия «подданными», а остались «ревизскими душами», «непросвещенной чернью» и «подлым сословием», которое, по словам самой Екатерины, «природа поместила в этот несчастный класс» и «которому нельзя разбить свои цепи без преступления»⁴². На протяжении

XVIII в. «объявляемые во всенародное известие» императорские указы, которые следовало «печатными на публичных местах прибивать и в церквях прочитывать», «чтобы никто неведением не отговаривался», касались, главным образом, рекрутских наборов, «строгого наблюдения исправности платежа подушного сбора», «употребления присылаемых от помещика для смирения крепостных людей в тяжкую работу» и т.д.⁴³ Подобные высочайшие распоряжения были выдержаны в императивном тоне и лишены какой-либо аргументации или попыток воздействия на сознание зависимого сословия, в отличие, кстати сказать, от Петровских указов первой четверти XVIII в., которые нередко содержали толкования и объяснения. Не нуждалась Екатерина и в проповеднике, подобном Феофану Прокоповичу, способном ярко и красноречиво поведать с амвона об огромном значении для государства деятельности монархини.

Ко второй половине столетия диалог власти с податным населением практически пресекается, а с высшим сословием становится более интенсивным, целенаправленно выстраивается и переходит на страницы предисловий к важнейшим именным указам, распоряжений о наградах, личных писем императрицы и таких произведений официальной публицистики и законодательства, как «Наказ», «О должностях человека и гражданина», «Жалованная грамота» дворянству и др., где собственно и вырабатывалась концепция российского подданства.

На протяжении XVIII в. дистанция между привилегированным и податным населением стремительно увеличивалась, породив в результате стойкое представление о заранее предопределенном месте каждого сословия в заданной социальной иерархии. Максимально упрощенная двучленная структура общества в официальной трактовке представляла из себя пирамиду, на вершину которой был вознесен монарх-самодержец, а ему непосредственно подчинялось дворянство, имеющее в своей собственности крестьян⁴⁴. Указы о челобитных свидетельствуют, что власть сознательно блокировала появление даже пассивного, исполненного монархических иллюзий, робкого недовольства податного населения в прошениях на высочайшее имя. В частности, и решение об уничтожении Тайной канцелярии было направлено на пресечение жалоб и «затейных доносов» от «подлых, злых и бездельных людей из солдат, матросов, людей господских, крестьян, бурлаков, фабричных, мастеровых и, одним словом, всякого звания подлых (...) на своих начальников и господ»⁴⁵.

Таким образом, «вернолюбезными», «истинными» подданными для власти были лишь дворяне. Социальная иерархия всего населения империи выражалась через понятие «сосостояние», и лишь позиции высшего сословия определялись термином «достоинство»⁴⁶, что еще в 1754 г. было законодательно зафиксировано властью, «даровавшей» дворянству наименование «благородное». При этом «достоинство» и «благородство» «знатных подданных» определялось не древностью происхождения, а службой монарху, которая под влиянием официальной доктрины из принудительной обязанности становилась привилегией и наиболее богоугодным делом.

В XVIII в. отношения государства и дворянства принципиально изменились. Объективная логика экономического развития привела, с одной стороны, к усилению крепостничества и зависимости частновладельческих крестьян от помещика, а с другой – к отказу от условной формы земельного владения как менее рентабельной, чем наследственная. Указ 1714 г. о единонаследии, уравнивший юридический статус вотчины и поместья, и манифест 1762 г. о вольности дворянства законодательно закрепили превращение служилого сословия в господствующий класс, владеющий землей и свободный от обязательной службы. В результате самодержавие лишилось мощных экономических и юридических рычагов, принуждающих дворянина нести государственную повинность. Власть оказалась перед задачей узаконить отмирание института «службы с земли» и, дав дворянству свободу от государственной повинности, сохранить его в качестве служилого сословия, т.е. главной социальной опоры абсолютизма. Именно в XVIII в. интенсифицировался сложный механизм идеологического и социально-психологического воздействия официальной доктрины на сознание дворянина.

Тактика воспитания «идеального подданного» на протяжении столетия менялась. Если Петр нередко рассчитывал на эффективность пробуждения чувства страха, то во второй половине столетия власть уже полностью полагалась на готовность дворянства добровольно оставлять служилым сословием. Начиная с Табели о рангах, шло формирование системы социального престижа, центральным символом которой становился дарованный государством чин. Бюрократический статус, потеснив родовое достоинство, превращался в определяющий критерий оценки роли дворянина в обществе и даже его самооценки. Не случайно в указе 1765 г. «о неподавании прошений Ее императорскому величеству» в социальной структуре общества выделяются два типа «благородных подданных» — «чиновные» и «не имеющие чинов»⁴⁷.

Долг «ревностного служения» императору приобретал мировоззренческое значение и неразрывно связывался с ведущей компонентой исторически сложившегося русского общественного сознания, образом «монарха, самодержца всероссийского», персонифицирующей собой власть, государство и Отечество. Вся мотивационная сфера поведения подданного под воздействием официальной доктрины подчинялась этой главенствующей ценности, которая стала смысловым стержнем политического сознания дворянина и основой его патриотического чувства. Как сказано в книге «О должностях человека и гражданина», «знатные подданные» «суть ближайшие к особе монарха, следовательно преимущественно ему ведомы, им употребляемы», они напрягают «силы душевные» к пользе общества и потому «называются истинными сынами отечества»⁴⁸.

Таким образом, законодательное изменение формуляра челобитных и лексики посланий на высочайшее имя было адресовано, помимо просвещенного европейского мнения, высшему сословию и, прежде всего, его политически активной элите. Исключение из стандартной подписи прошений какой-либо формы выражения взаимоотношений автора и монарха, с одной стороны, и официально заданная концовка «верный подданный» в личных и деловых посланиях, направляемых к престолу, — с другой, свидетельствовали о стремлении императрицы к иному уровню контактов именно со своим ближайшим окружением, в котором она хотела видеть партнеров, а не челобитчиков.

Абсолютистское государство действительно было зажато между стремлением иметь преданную престолу политическую верхушку и реальной потребностью в деятельной личности, равной по масштабу веку европейского Просвещения. Именно власть освободила дворянина от обязательной государственной повинности и гарантировала ему доступ к знанию и изысканному образу жизни. Образованная знать, возникшая по высочайшему распоряжению, оказалась наиболее восприимчивой к гуманитарным ценностям. Сановник последней трети XVIII в. ориентировался не столько на культ «самовластного государя», сколько на эталон обаятельной, смело мыслящей императрицы, состоящей в переписке с самыми авторитетными умами своего времени. Екатерина II сама нередко демонстрировала уважение к личности своих ближайших подданных и даже поощряла «ограниченное» «дозволенное» фрондерство⁴⁹.

Процесс формирования государственного сознания дворянина, в котором, по замыслу власти, должны были соединиться достоинство личности с верноподданническими идеалами, завершится в годы правления Екатерины II, но будет иметь непредсказуемые для власти последствия и далекие от предполагаемых результаты. Власть рассчитывала на возникновение имперской культуры, сосредоточенной вокруг престола, превращенной в вид государственной службы и призванной прославлять успехи монархии. Однако со временем самодержавию становилось все труднее удерживать под контролем духовную жизнь просвещенной личности. Круг придворных политиков, поэтов и ученых разросся до целого слоя образованного дворянства, которое претендовало на идейное лидерство в обществе и выстраивало свои собственные отношения с западным миром. Сложная по своему составу элита российского дворянства второй половины XVIII в. была не чужда умеренной оппозиционности во взглядах и оценках. Едкие пересмешники первых столичных салонов; способные на независимые государственные решения крупные полководцы и дипломаты; критически настроенные вельможи в от-

ставке; розенкрейцеры с их «странными мудрованиями»⁵⁰; интеллектуалы, способные «истину царям с улыбкой говорить»⁵¹ – все эти типажи «золотого века» российского дворянства стали персонажами захватывающей драмы, о которой писал В.Г. Белинский. "Ее царствование – это драма, драма многосложная и запутанная по завязке, живая и быстрая по ходу действия, пестрая и яркая по разнообразию характеров, греческая трагедия по царственному величию и исполинской силе героев»⁵².

Однако обширнейшее эпистолярное наследие столь ярких и самобытных фигур дворянской аристократии⁵³ свидетельствует, что все они легко мирились с трафаретной подписью «раб», не требовали изменения формуляра и оставили без внимания терминологические нововведения императрицы. Законодательно измененная концовка посланий на высочайшее имя молчаливо игнорировалась, и даже дипломатические реляции и политические проекты продолжали поступать к престолу за подписью «нижайший верноподданнейший раб». Пожалуй, единственной реакцией на новый формуляр прошений, которая целенаправленно была доведена до сведения императрицы, стала ода В.В. Капниста «На истребление в России звания раба Екатериною Второю в 15 день февраля 1786 года»: «Красуйся, счастлива Россия! / Восторгом радостным пылай; / Встречая времена златые, / Главу цветами увенчай! / ... / Да глас твой в песнях возгремит, / Исполнит радостью вселенну: / Тебе свободу драгоценну / Екатерина днесь дарит».

Еще до публикации поэт отправил новое произведение своим взыскательным друзьям – Н.А. Львову и Г.Р. Державину, а также редактору петербургского журнала «Зеркало света» Ф.О. Туманскому, которому, в частности, писал: «...Я послал другу моему Николаю Александровичу Львову Оду на истребление в России названия раба Ее Императорским Величеством 15 числа минувшего февраля, предоставляя ему волю напечатать ее или предать ее всесожжению. <...> Можете ее поместить в издании вашем, буде не опасаетесь представить в «Зеркале света» зеркало весьма дурного сочинения». Капнист действительно не был уверен в художественных достоинствах и политической корректности своего сочинения. Ни словом не обмолвись о законодательно вводимом понятии «подданный», он воспевал запрещение использовать слово «раб» в официальных бумагах как реальное освобождение россиян. Народ могучей, расширяющей своей границы империи одерживал блистательные победы, находясь до этого судьбоносного высочайшего указа в подневольном положении: «Среди такого блеска славы, / Побед, которым нет числа, / Во узах собственной державы / Россия рабства дни влекла, / Когда чужую цепь терзала, / Сама в веригах унывала / И не рвала своих оков...»

Разумеется, столь неловкое отождествление изменения канцелярских штампов и неосуществленных социальных реформ скорее разоблачало крепостническую монархию, чем превозносило императрицу. Не случайно Екатерина была разгневана поэтическими упреждениями Капниста, со свойственной ей проницательностью уличив незадачливого одописца в неискренности. И действительно, в письме Державину, где шла речь о новой оде, Капнист признавался в чувствах, далеких от верноподданнического рвения: «...Душевно отстал я от всяких великосветских замыслов. Съискиваю свое истинное счастье в уединении, <...> в воспитании детей, в созерцании прекраснейшей девственной природы, лелеющей обитель мою, в погружении себя иногда в недро души моей и в воспарении оттуда иногда к источнику ее и всей твари. <...> Руками упражняюсь <...> в украшении сада моего, какого прекраснее и редкие цари имеют»⁵⁴.

Ослабление духовного союза образованного дворянина и государства проявилось, прежде всего, на уровне поведенческих моделей и оценочных реакций. Эволюция сознания фрондирующей элиты пошла по линии разрушения неоспоримой ценности успешной служебной карьеры и имела при этом не только критическую направленность. Преодоление всепроникающей государственности выразилось в поиске иных сфер реализации личности, относительно независимых от имперского аппарата, престола, светской массы. Наиболее думающая и остро чувствующая часть интеллектуальной элиты отшатнулась от верховной власти и попыталась реализовать себя на социальной периферии, удаленной от эпицентра действия официальных ценностей. Сферой, состав-

вившей эмоциональную и умственную альтернативу регламентирующему воздействию абсолютизма, светскому этикету, изматывающей борьбе за карьеру стали дружеские связи, замкнутый мир дворянской усадьбы, масонское братство, писательский труд, независимое книгоиздательство, благотворительность, духовные искания и т.п.

В посланиях на высочайшее имя интеллектуальная элита упорно продолжала подписываться «нижайший раб», но одновременно в личной переписке и философских трактатах вырабатывалось отличное от официозного понимание некоторых устоявшихся, близких к стереотипу, социальных терминов. Понятие «благородный» в отношении дворянина отождествлялось властью с принадлежностью к привилегированному сословию, близостью к императору и ревностной службой ему. В текстах же интеллектуальной элиты это слово приобретало морально-этический смысл, незамутненный сословным гонором главных слуг монарха. Характерно, что в русском языке словосочетание «благородное дворянство» так и не стало устойчивым, в то время как в английском, немецком и французском языках понятия «дворянин» и «благородный» постепенно сближались, пока не стали синонимами (ср. «nobility», «noble», «nobleman» – в английском; «Adel», «Edle», «edel», «Edelmut», «edelgesinnt» – в немецком; «noblement», «noble», «nobiliaire», «de la noblesse» – во французском). В то же время начинало переосмысливаться и понятие «подлый». «В низком состоянии можно иметь благороднейшую душу, – писал Д.И. Фонвизин в «Опыте российского словника», – равно как и весьма большой барин может быть весьма *подлый* человек»⁵⁵. Нравственный смысл, обнаруженный в социальных терминах, заставлял усомниться в, казалось бы, незыблемой иерархии общества и даже порождал удивительные «семиотические» решения, подобные отказу небогатого чиновника, розенкрейцера С.И. Гамалеи от 300 душ крепостных на том основании, что со своей собственной нелегко справиться.

Если для власти существовала единая и неделимая формула ревностной преданности государю, то дворянин второй половины XVIII в. начинал различать придворную службу, службу императору и службу Отечеству. Так, двадцатилетний С.Р. Воронцов, будущий полномочный посол России в Великобритании, а в 1764 г. поручик гвардии Преображенского полка, писал отцу: «...всенижайше прошу, милостивый государь батюшка, сделать мне ту милость, чтоб постараться о выпуске моем в полевые полки. Я безмерное имел всегда желание служить моему отечеству, и оное желание всегда еще умножается; но придворной жизни я снести не могу»⁵⁶. По переписке высшей политической элиты можно уловить усложнение представлений о смысле государственной службы. Крупный сановник екатерининского царствования постепенно вырабатывал независимые от высочайшей оценки критерии результатов своей деятельности, «за долг себе поставляя не оставить в молчании собственные мнения»⁵⁷.

Соответственно и трактовка понятия «сын отечества» в среде дворянской элиты отражала усложнение патриотического чувства ее представителей, которое не исчерпывалось только преданной службой императору. Не случайно в пьесе «Вадим Новгородский» Я.Б. Княжнин самовластия противопоставляет понятие «истинный сын отечества»: «И истинных сынов Отечества сколь мало, / Которы, чувствуя грызущее рабства жало, / Стыдились б того, что в свете смертный есть, / В руках которого их вольность, жизнь и честь». Рисуя образ «вельмож, утративших свободу, во подлой робости согбенных пред царем», автор ставит вопрос: «Или отечество быть может у рабов?»⁵⁸

В 1789 г. в журнале «Беседующий гражданин» анонимно⁵⁹ была опубликована статья с характерным названием «Беседа о том, что есть сын отечества», автор которой вкладывал исключительно нравственный смысл в это «величественное наименование». «Человек, человек потребен для ношения имени сына отечества!», – сказано в «Беседе», человек, чуждый зависти, гордости, любострастия, не предающийся лени и пьянству и обладающий такими добродетелями, как честолюбие, благонравие и благородство⁶⁰. Стремление образованного дворянина второй половины XVIII в. к духовному совершенствованию повлияло в дальнейшем на осознание возможности служить отечеству, лишь сохраняя собственную высокую нравственность. В 1826 г., за несколь-

ко месяцев до смерти, Н.М. Карамзин напишет: «Любезное отечество ни в чем не может меня упрекнуть. Я всегда был готов служить ему, не унижая своей личности, за которую я в ответе перед той же Россией»⁶¹.

Воспроизведенный в многотомных исследованиях феномен западноевропейской индивидуальности, так или иначе ориентированной на интересы конкретной социальной группы, уважающий закон и стремящийся свои отношения с государством выстроить на основе взаимных прав и обязанностей, затмил явление русского оппозиционно настроенного интеллектуала. Определенная правовая индифферентность дворянской фронды XVIII в.⁶², культивирующей независимость духовной жизни, станет отличительной чертой сознания русской интеллигенции в XIX столетии. «Не дорого ценю я громкие права, / От коих не одна кружится голова. / Я не ропшу о том, что отказали Боги / Мне в сладкой участи оспоривать налоги / Или мешать царям друг с другом воевать... / Никому / Отчета не давать, себе лишь самому / Служить и угождать; для власти, для ливреи / Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи; / По прихоти своей скитаться здесь и там, / Дивясь божественным природы красотам, / И пред созданьями искусств и вдохновенья / Трепеща радостно в восторгах умиленья. / Вот счастье! вот права...»⁶³ (А.С. Пушкин. Из Пиндемонти).

Сила и, следовательно, опасность этой фронды заключались не в наступлении на политические прерогативы монархии, а в непонятной для европейской правовой культуры способности жить помимо государства, находить или создавать свою нишу при режиме абсолютизма. Самодержавие в России было ограничено не законом, а личностью, и не в области политики, а в сфере внутреннего мира фрондирующего дворянина. Этот по-своему уникальный для европейской истории процесс, в силу неоднозначности проявлений приобретший в литературе целый репертуар наименований – возникновение общественного мнения, самоопределение интеллектуальной аристократии, эмансипация культуры, формирование интеллигенции⁶⁴, – начался в царствование Елизаветы и завершился в первой половине XIX столетия. Суть его парадоксально сформулировал Ломоносов и спустя несколько десятилетий воспроизвел Пушкин. В 1761 г. ученый заявил блистательному вельможе И.И. Шувалову: «Не токмо у стола знатных господ, или у каких земных владетелей дураком быть не хочу; но ниже у самого господ Бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет»⁶⁵. В дневнике 1833–1835 гг. поэт записал: «Но я могу быть подданным, даже рабом, – но холопом и шутком не буду и у царя небесного»⁶⁶.

Таким образом, эволюция языка может быть уподоблена барометру, способному уловить самое начало глубинных социальных сдвигов, когда у историка создается впечатление, что понятие возникает раньше того или иного явления. С другой стороны, в обществе часто происходят процессы, которые не имеют словесной идентификации и осмысливаются лишь спустя несколько поколений. Язык эпохи постоянно эволюционирует под влиянием многих обстоятельств и в то же время сам является индикатором изменений в обществе, фактором, влияющим на сознание современников. В России XVIII в. терминология и символика стали важнейшим орудием социального контроля со стороны власти. На протяжении столетия по высочайшему повелению был изменен титул монарха и название страны, варьировались официальные наименования подданных, этикетные формы обращения к императору и чиновникам, определения различных социальных групп и сословий, один за другим издавались указы о «знаковых» преобразованиях алфавита, летоисчисления, стиля одежды, планировки городов и т.д. Понятийный анализ порой дает не прогнозируемые заранее результаты и стимулирует поиск причин открывающихся парадоксов русской истории XVIII столетия, во время которого просвещенное дворянство составило оппозицию просвещенной монархии, а «слуга царя» ощущал себя одновременно «сыном отечества».

Примечания

¹ См.: Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 554–572.

² См., напр.: Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994; Madariaga I. Political and Culture in Eighteenth-Century Russia. Collected Essays. L.; N.Y., 1998; Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999; Hartley J.M. A Social History of the Russian Empire. 1650–1825. L.; N.Y., 1999; Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 2001 и др.

³ Для современников власть, персонифицированная в личности монарха, отождествлялась прежде всего с политикой, осуществляемой от лица государства и именем верховного правителя.

⁴ Судебник 1497 г. Ст. 2; Судебник 1550 г. Ст. 7; Судебник 1589 г. Пространная редакция. Ст. 8, 11, 34, 79 // Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952. С. 19, 142–143, 375–376, 380, 386; Соборное Уложение 1649 г. Л., 1987. Ст. 101, 107–108. С. 38–39.

⁵ Не случайно в словаре русского языка XVIII в. понятие «жалобница» признается синонимом «челобитной». Поэтому в данной работе термины «челобитная», «прошение» употребляются как близкие по смыслу (Словарь русского языка XVIII века. СПб., 1992. Вып. 7. С. 92–93. Ср.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1978. Вып. 5. С. 71).

⁶ См.: Волков С.С. Лексика русских челобитных XVII века: формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л., 1974. С. 11–13; е го же. Из истории русской лексики. II. Челобитная // Русская историческая лексикология и лексикография. 1. Л., 1972; Милов Л.В. Делопроизводственные материалы XVI–XVII вв. // Источниковедение истории СССР. М., 1981. С. 108–109.

⁷ См., напр.: Крестьянские челобитные XVII в.: Из собраний Государственного исторического музея. М., 1994. С. 3–4.

⁸ См., напр.: Le Donne J.P. Ruling Russia. Politics and Administration in the Age of Absolutism 1762–1796. Princeton. New Jersey, 1984. P. 64–65, 132, 180–181.

⁹ М.В. Бабич справедливо указывает, что понятие «статс-секретарь» появилось лишь в царствование Павла I. Давно сложившаяся в историографии традиция именовать кабинет-секретарей Екатерины II статс-секретарями возникла, по всей видимости, под влиянием «Записок» самого знаменитого «статс-секретаря» Г.Р. Державина. Однако поэт писал свои воспоминания уже при Павле, после указа от 19 мая 1800 г. о назначении П.И. Кутайсова, когда и было введено это наименование для докладчиков императора (см.: Бабич М.В. Из истории государственных учреждений XVIII в.: Кабинет императорского величества // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1998. № 6. С. 24–25).

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание 1-е. СПб., 1830 (далее – ПСЗ). Т. V. № 3261, 3475; Т. XVI. № 12240; Т. XVII. № 12903 и др.

¹¹ См.: Волков С.С. Лексика русских челобитных XVII века. С. 48–49.

¹² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. СПб; М., 1978. С. 559. См. также: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т. 3. Ст. 1384–1385; Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1822. Ч. VI. Ст. 1171–1172.

¹³ См., напр.: Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия (к постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 216–220.

¹⁴ Köpstein H. Zur Sklaverei im ausgedehnten Byzanz. Berlin, 1966. S. 33; Alef G. The Origins of Muscovite Autocracy // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 39. 1986. S. 75; Poe M.T. What did Russians Mean When They Called Themselves «Slaves of the Tsar»? // Slavic Review. Vol. 57. 1998. № 3. P. 586–594; idem. «A People Born to Slavery». Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. Ithaca, L., 2000. P. 208–209.

¹⁵ Горский А.А. О происхождении холопства московской знати // Отечественная история. 2003. № 3. С. 82.

¹⁶ ПСЗ. Т. IV. № 1819.

¹⁷ С середины 80-х гг. XVII в. и до указа Петра начальные элементы обращения к царю в челобитных звучали как «великому государю царю», далее следовали имя и отчество царя и его сокращенный (для внутрисударственного употребления) титул. См.: Волков С.С. Лексика русских челобитных XVII века. С. 32–34.

¹⁸ ПСЗ. Т. IV. № 1899.

¹⁹ «...Посмотря на Духовный чин и видя в нем много нестроения, не суетный на совести нашей возымели мы страх, – сказано в манифесте к Регламенту, или Уставу Духовной коллегии, – да не являясь неблагодарны Вышнему, ... [если] пренебрежем исправление чина духовного» (там же. Т. VI. № 3718).

²⁰ См.: Пекарский П.П. Наука и литература при Петре Великом. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. Т. 1. СПб., 1862. С. 27; Benze E. Leibniz und Peter der Grosse. Der Beitrag Leibnizens zur russischen Kultur-, Religions- und Wirtschaftspolitik seiner Zeit. Berlin, 1947.

²¹ См.: Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. II. М., 1994. С. 348–349.

²² Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 91, 115, 124.

²³ Не случайно в немецко-русском словаре XVII в. понятие «раб слову Божию» переводится как *Diener des Wortes Gottes* (буквально – служитель Божьего слова), а собственно слово «раб» передается терминами – *Knecht*, *Lackey* (буквально – слуга, лакей). (*Teutscher und Reussischer, Dictionarium. Das Wiener deutsch-russische Wörterbuch.* Berlin, 1984. S. 127, 302, 314).

²⁴ См., напр.: Мезин С.А. Образ идеального монарха в массовом историческом сознании (на материале «анекдотов» о Петре Великом) // *Canadian-American Slavic Studies*, 2004. Vol. 38. № 1–2. P. 61–82.

²⁵ См., напр., письма Ф.М. Апраксина Петру (РГАДА, Кабинет Петра Великого, ф. 4, отд. II, кн. 11, л. 25–26, 38–39; *Handschriftenabteilung der Göttinger Universitätsbibliothek. 2* Cod. Ms. Asch. 171 Beil.*).

²⁶ Так, в 1721 г. в связи с изменением титула российского монарха и провозглашением его императором еще раз был определен формат подписи в челобитных и отписках – «Вашего Императорского Величества нижайший раб имярек» (ПСЗ. Т. VI. № 3850).

²⁷ Там же. Т. XXII. № 16329.

²⁸ См., напр., письма С.Р. Воронцова и А.Р. Воронцова отцу (Архив князя Воронцова. Кн. 5, 16. М., 1872, 1880).

²⁹ См.: ПСЗ. Т. XVIII. № 12957; т. XIX, № 13909; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. 16, картон 16^a.

³⁰ ПСЗ. Т. XVIII. № 12957.

³¹ См. об истории термина: Рое М.Т. «*A People Born to Slavery*». P. 210–211.

³² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1971. С. 296.

³³ См., напр.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1995. Вып. 20. С. 248; Словарь русского языка XVIII в. Л., 1988. Вып. 4. С. 147–148.

³⁴ Словарь Академии Российской. Ч. IV. Ст. 1255–1256.

³⁵ ПСЗ. Т. XVII. № 12316.

³⁶ Данное произведение официальной публицистики екатерининского царствования подобно знаменитому «Наказу» было составлено под сильным воздействием европейской философской мысли. «О должностях человека и гражданина» является переложением идей работы немецкого гуманиста Самуила Пуффендорфа «*De officio hominis et civis juxta legem naturalem libri duo*». Однако сравнение содержания этих двух книг, их структуры, терминологии и предназначенной авторами роли в обществе обнаруживает принципиальную разницу между философским трактатом и доходчивым, постоянно апеллирующим к Евангелию своеобразным учебником Екатерины. Если Пуффендорф рассматривает личность, исходя из ее абстрактной социальной природы, в системе сложнейших взаимоотношений с Богом, собой и другими людьми, то Екатерина акцентирует внимание на обязанностях индивида перед государством и значительно чаще использует термин «подданный», чем «гражданин». Она выделяет при этом «низких» и «знатных» подданных в отличие от немецкого философа, для которого общество структурируется, главным образом, по горизонтальному принципу в соответствии с функциями его различных представителей – министров, церковных иерархов, ученых, администраторов, судей, чиновников, офицеров, солдат, торговцев и т.д. (*Puffendorf S. De officio hominis et civis juxta legem naturalem libri duo.* N.; Oxford, 1927. Vol. 1. A Photographic Reproduction of the Edition of 1682).

³⁷ О должностях человека и гражданина. Книга к чтению определенная в народных городских училищах Российской империи. СПб., 1783. Изд. 2. С. 349.

³⁸ Там же.

³⁹ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб., 1907. С. 109.

⁴⁰ См., напр.: Манифест от 1 сентября 1763 г. «с приложением Высочайше утвержденного проекта генерал-поручика Бецкого об учреждении в Москве Воспитательного дома, с особливим гошпиталем для неимущих родильниц» (ПСЗ. Т. XVI. № 11908; Майков М.П. Иван Иванович Бецкой. Опыт его биографии. СПб., 1904).

⁴¹ См.: Бецкой И.И. Генеральный план Московского воспитательного дома // ПСЗ. Т. XVIII. № 12957; О должностях человека и гражданина. С. 359.

⁴² Екатерина II. Автобиографические записки // Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А.Н. Пыпина. Т. 12. СПб., 1907. С. 175.

⁴³ ПСЗ. Т. XXI. № 15127, 15140, 15340 и др. Безусловно, во всенародное известие объявлялись и манифесты, так или иначе демонстрирующие успехи власти и, прежде всего, русского оружия, однако в них отсутствовала ключевая фраза, изобличающая жесткий прагматизм власти – «чтоб никто неведением не отговаривался».

⁴⁴ В политической концепции самодержавия XVIII в. можно выделить группу «потенциальных подданных», т.е. переселенцев из Европы или жителей вновь присоединенных территорий, не исповедующих в большинстве своем православия. Екатерина понимала, что «иноверцы более пристойно снисхождением, нежели строгостию и насильною переменою их обычаев в порядочное правление приводимы». На практике она зачастую более бережно относилась к интересам «разных вер народов», чем к нуждам представителей так называемой коренной «имперской нации», прежде всего ее бесправной податной части (там же. Т. XVII. С. 9; Т. XVI. С. 313).

⁴⁵ См., напр.: ПСЗ. Т. XVI. № 11687.

⁴⁶ См., напр.: Наказ императрицы Екатерины II. С. 7 (гл. V «О состоянии всех в государстве живущих»; Schmidt C. Über die Bezeichnung der Stände (sostojanie – soslovie) in Rußland seit dem 18. Jahrhundert // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1990. Bd. 38. H. 2.

⁴⁷ ПСЗ. Т. XVII. № 12316.

⁴⁸ О должностях человека и гражданина. С. 352, 359. В «Жалованной грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» окончательно юридически закреплялось привилегированное положение высшего сословия, представители которого были названы «вернолюбезными подданными», поскольку несли «бремя наиважнейшего империи и монарху служения» (О дворянстве. СПб., 1808. С. 11).

⁴⁹ Не случайно Екатерина в 1764 г. выражала свое недовольство генерал-прокурору А.А. Вяземскому по поводу слишком жестких распоряжений Военной коллегии, которые запугивают губернаторов: «...Трусость от шефов Коллегии приводит их к упусканию должности, к ущербу моего политического и гражданского интереса» (РГАДА, ф. 10, ед. хр. 464, л. 54–54а).

⁵⁰ См. указ Екатерины II графу Я.А. Брюсу от 27 марта 1786 г. по делу Н.И. Новикова // Новиков И.И. Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 58.

⁵¹ Державин Г.Р. Сочинения. М., 1985. С. 175.

⁵² Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу. М., 1988. С. 53.

⁵³ См.: Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. (по материалам переписки). М., 1999.

⁵⁴ Капнист В.В. Собрание сочинений. М.; Л., 1960. Т. 1. С. 101–103, 714; Т. 2. С. 286–288, 294, 572–574.

⁵⁵ Фонвизин Д.И. Драматургия, поэзия, проза. М., 1989. С. 200.

⁵⁶ Архив князя Воронцова. Кн. 16. М., 1880. С. 71.

⁵⁷ Письмо Н.И. Панина П.А. Румянцеву // Русский архив. 1878. Кн. III. № 9–12. С. 439.

⁵⁸ Княжнин Я.Б. Избранное. М., 1991. С. 102.

⁵⁹ Большинство литературоведов придерживаются мнения, что статья принадлежит перу А.Н. Радищева. Однако высказываются и точки зрения, что автором статьи был современник писателя, близкий к масонским кругам (см.: Запатов В.А. Был ли Радищев автором «Беседы о том, что есть сын Отечества»? // XVIII век: Сборник статей. СПб., 1993. С. 131–155).

⁶⁰ Радищев А.Н. Полн. собр. соч. Т. 1. М.; Л., 1938. С. 215–223.

⁶¹ Цит. по: Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 16.

⁶² См.: Raef M. On the Heterogeneity of the Eighteenth Century in Russia // *Russian and the World of the Eighteenth Century*. Columbus, Ohio, 1986. P. 670.

⁶³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 10 т. Т. II. М., 1974. С. 381. Ю.М. Лотман отмечал, что Пушкин «говорит о двух разновидностях свободы – политической, которая заключается в возможности "оспоривать налоги, / Или мешать царям друг с другом воевать", и духовной независимости» (Лотман Ю.М. Пушкин. СПб., 1995. С. 157. См. также: Федотов Г.В. Певец империи и свободы // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – первая половина XX вв. М., 1990. С. 373–374).

⁶⁴ См., напр.: Wirschter E.K. The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater. Illinois, 2003; Мадариaga И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002; Smith D. Working the Rough Stone. Freemasonry and Society in Eighteenth-Century Russia. Illinois, 1999; Raef M. Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth-Century Nobility. N.Y., 1966.

⁶⁵ Цит. по: Пушкин А.С. Дневники, записки. СПб., 1995. С. 238.

⁶⁶ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 10 т. Т. VII. М., 1976. С. 287.